

Т. И. Зайцева**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМАТУРГИИ Е. ЗАГРЕБИНА**

Одним из ярких представителей плеяды удмуртских писателей-«шестидесятников» является Егор Егорович Загребин (1937–2015). В статье рассматриваются особенности творческой индивидуальности Е. Загребина-драматурга на материале его наиболее значимых, репрезентативных пьес: драмы «*Мынам яратонэ татын*» («Моя любовь здесь»), комедии (водевиля) «*Насьток но Исьток*» («Степан и Настя»), трагедии «*Эш-Тэрек*». Для этих пьес характерны новые содержательные и формальные элементы, ставшие продуктивными на следующем этапе развития удмуртской драматургии. Не ставя задачу всесторонне охарактеризовать мастерство Загребина-драматурга, автор делает попытку осветить некоторые составляющие этого вопроса: особенности авторской точки зрения на изображаемые события, специфику сюжетно-композиционного построения анализируемых пьес, принципы типизации образов героев, структуру художественного конфликта. Пьесы Е. Загребина сочетают в себе чисто драматургические приемы с приемами, присущими лирике и прозе, театральную условность – с реальными приметами времени. Е. Загребин одним из первых в удмуртской драматургии второй половины XX в. обратился к осмыслению жизни народа на основе анализа будней рядового человека. Событием в литературной и театральной жизни республики рубежа XX–XXI вв. стала трагедия Е. Загребина «*Эш-Тэрек*», отразившая интерес писателя к вопросу о роли исторической личности в переломные эпохи. Трагедия о прошлом актуализировала вопросы современности.

Ключевые слова: удмуртская литература, Е. Е. Загребин, драматургия, жанр, драма, комедия, трагедия, жанровый синкретизм, герой.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-269-274

Важным периодом в развитии общественной и культурной жизни республики и страны в целом стала эпоха «оттепели». Демократические процессы «шестидесятых» породили целую когорту самостоятельно мыслящих, сильных и самобытных авторов. Одним из ярких представителей этой плеяды удмуртских писателей был Егор Егорович Загребин (1937–2015). Работая в разных жанрах, он стал автором, определившим многие основные тенденции развития национального литературного процесса. Наибольших вершин Е. Загребин достиг в драматургии. На начальном этапе творчества известность ему принесли пьесы «*Тулыс зор*» («Весенний дождь», 1961), «*Тӧдды юсь*» («Белый лебедь», 1967), «*Мынам яратонэ татын*» («Моя любовь здесь», 1976). Залогом успеха и популярности этих пьес стала их жизненность и уникальная театральность – сочетание оригинальной художественной формы и глубины социального содержания.

К числу наиболее интересных и совершенных по композиции пьес относится «*Мынам яратонэ татын*». В центре произведения – молодой председатель колхоза Роман Дауров, устами которого автор высказывает свое мнение о том, как сложно живет послевоенная деревня. Впервые в удмуртской драматургии обострена современная социальная проблематика: крестьянин лишен самых простых средств существования, люди буквально «выталкиваются» с нажитых мест в райцентр или в город, разрушаются вековые традиции деревни. Актуализирована проблема безысходности сельской жизни при существующей в стране тех лет системе хозяйствования. Молодежь уезжает в город, а в колхозе не хватает рабочих рук, колхозники без выходных и отпусков выполняют «спущенный сверху» план. На самых низовых сферах колхозного труда – женщины. Публицистический стиль пьесы определяют реалистически точные, лаконичные рассказы-картины персонажей о тяжелой доле простого труженика. Е. Загребин одним из первых затронул в удмуртской литературе «шестидесятых-семидесятых» проблему пьянства. Сегодня многие эпизоды, монологи и диалоги этой пьесы звучат актуально.

Молодой председатель Дауров, стремящийся работать по-новому, сталкивается с сопротивлением бывшего руководителя хозяйства Демьяна Федотыча. Примечательно, что автор не стремится просто противопоставить консерватора и новатора, а пытается показать положительного героя в его различных проявлениях. Среди персонажей пьесы особенно выделяется образ педагога-биолога Татьяны, в которую всерьез влюблен Дауров. Большое место в произведении отводится линии частной жизни героев. И хотя сюжет пьесы прост и внешнее действие недостаточно динамично, но этическая

и нравственная напряженность достигается за счет уплотненности и насыщенности диалогов, раздумий и размышлений персонажей. Интересен и «любовный треугольник» пьесы. Роман был некогда влюблен в Марину, но девушка выбрала Демьяна Федотыча, польстившись на его богатство. Привыкнув к легкой жизни и сиюминутным увлечениям, женщина начинает пить. Проблемы одиночества, пьянства, бездуховности, поднимаемые автором, заставляют читателя и зрителя задуматься под вопросами: отчего люди, имеющие крепкий крестьянский характер и жизненную мудрость, оказываются обманутыми в простейших жизненных ситуациях? Почему человек не сопротивляется обстоятельствам и легко покидает родной дом, землю? Пьеса *«Мынам яратонэ татын»* демонстрирует происходящий в удмуртской драматургии сдвиг от «производственной» тематики к более сложному содержанию, совмещающему в себе социально-производственные, социально-бытовые и социально-психологические проблемы.

На всех этапах развития удмуртской драматургии ее достижения более всего связаны с жанром комедии. Следует отметить, что национальная комедия 1960–1980-х гг. особенно ярко проявила себя в таких жанрово-стилевых разновидностях, как юмористическая и лирическая. В развитии жанра удмуртской комедии особое место занимает пьеса Загребина *«Насьток но Исьток»* («Степан и Настя», 1986). Популярность этой пьесы превзошла все ожидания. В личных беседах автора статьи с драматургом он вспоминал, что при входе в "атакуемый" зрителями Национальный драматический театр стояла милиция. Во время гастролей театра по деревням республики сельчане непременно просили показать загребинскую комедию *«Насьток но Исьток»*.

Это озорная юмористическая комедия, жанр которой обозначен драматургом как водевиль. Однако пьеса включает в себя и некоторые черты фарса, ей свойственна подвижность композиционной структуры, что не всегда учитывается режиссерами при постановке комедии на театральной сцене. Все события комедии происходят в одном из санаториев республики. Случайно рядом оказались однофамильцы: профессор сельскохозяйственного института Иван Иванович Мальков и колхозный пастух Степан Иванович Мальков. В силу множества недоразумений Ивана Ивановича принимают за пастуха, а *Исьтока* (Степана) – за «академика». Нелепая ситуация, в свою очередь, «выстраивает» другие курьезные обстоятельства, которые проясняются по ходу развития действия пьесы.

Актуализированные в комедии *«Насьток но Исьток»* проблемы одиночества, супружеской неверности, обманутых надежд могли бы стать предметом изображения в драме, но Е. Загребин все это воплощает в жанре лирической комедии. Автора мало интересует социально-бытовая точность в описании характеров героев и окружающих их обстоятельств, главное – поверх житейских подробностей уйти в театральную условность. С самой завязки действие пьесы развивается через чередование комедийных ситуаций и смешных мизансцен. При этом большое значение имеет интрига, которая основана на неожиданностях и сильно запутана. Следует отметить, что водевиль не требует тщательной мотивировки поступков и действий героев, как в психологической драме. Здесь большая роль в развитии фабулы отводится случайностям, обуславливающим внезапные и контрастные чередования сценических ситуаций. Например, к увлеченному ролью профессора пастуху является жена, которая, в свою очередь, тоже принимает чужое обличье, переодевшись в городскую даму.

Несмотря на активное использование автором комедийных приемов, пьесу отличает правдоподобие реальных героев. Рядом с «бедным» пастухом в сложных ситуациях оказывается его жена Анастасия, предстающая в пьесе носителем положительных народных качеств. Среди «именитых» отдыхающих главным действующим лицом становится простодушная крестьянка. Комическое в пьесе Е. Загребина *«Насьток но Исьток»* заставляет зрителя серьезно задуматься о последствиях собственных поступков. Например, часть курортников преследуют здесь корыстные цели. Вот отдыхающая секретарь-машинистка Симочка рассчитывает «обкрутить» состоятельного мужчину.

С и м о ч к а. *Акыльтіз ни секретарша луйса ужаны. Акыльтіз ни коньдонэз ялан лыдьяса улыны. Мынам шулдырьяськеме но эрико луэме потэ. <...>*

Д а р ь я. *Тодыса улэ, шутэтскисьёс! Милям татын строгой порядок. Курытсэ кин ке шёмяз, соку ик улляськом но ужан интыяз ивортіськом.*

(С и м о ч к а. Надоело уже секретаршей быть. Надоело жить, все время экономя деньги. Я хочу веселиться, хочу быть свободной). <...>

Д а р ь я. Помните, отдыхающие! У нас тут строгий порядок. Кто будет горьким увлекаться, тут же прогоним и сообщим на работу) [Загребин 1990, 9].

Строгие порядки Симочку не пугают, для нее главное – привлечь к себе внимание «выдающейся» личности. Положение мужчины в обществе и его известность важны для секретарши лишь как

способ достижения материального благополучия. Матильда Куприяновна, тетя Симочки, изнывающая от «семейного счастья», желает завести ни к чему не обязывающий курортный роман. Она оправдывает свои намерения весело провести время таким образом:

С и м о ч к а. Э-э, *чужапай, өвөл мынам шудэ.*

М а т и л ь д а. *Нош тон эн чиг, эн чиг! Огпол өз пөрмы, кык пол уз пөрмы, куинетийэз – пишмоз. Мон егитгес ке луысал, пунысюл музэн, пыдъёссэс сьёлтасал пиослэсь.*

С и м о ч к а. *Тынад опытэд вань угось. Тон куинь пол бызьылд.*

М а т и л ь д а. *Мар пайдаез быземлэн. Кыкез алкоголикъёс шедизы. Табере тани мйы муртэн улйсько. Со но шальтрамын. Мёзмыт мыным соин, Симочка...*

(С и м о ч к а. О-о, тетушка, нет у меня счастья.)

М а т и л ь д а. А ты не ломайся, не ломайся! Один раз не получилось, второй раз не получится, на третий – получится. Если бы была я помоложе, व्यюном бы обвивала парней.

С и м о ч к а. У тебя опыт имеется. Ты три раза замужем была.

М а т и л ь д а. Какой толк от замужества. Первые два алкоголиками были. Теперь вот с пожилым живу, с развалюхой. Тоскливо мне с ним, Симочка... [Загребин 1990, 11].

В такой «малинник» попадает передовой колхозник *Исьток*. Его жена *Насьток* искренне верит, что муж в санатории поправит здоровье, отдохнет от тяжелой деревенской работы, расширит культурный кругозор. Попав в сети бесцеремонной и хитрой Матильды, простодушный *Исьток* не раз вспомнит свою резкую по характеру, но отзывчивую сердцем жену. В беде его жене *Насьток* помогает служащая курорта Дарья, которая меняет облик этой молодой крестьянки до неузнаваемости и приводит к мужу. Самая интересная сцена в спектакле – встреча *Исьтока* и *Насьток*. Эпизод, в котором муж не узнает свою жену, во многом напоминает обряд старинной удмуртской свадьбы со смешными заменами и путаницами.

Любовная интрига оттеняет основной конфликт пьесы. Это борьба рядовой труженицы *Насьток* за свое семейное счастье. Конфликт пьесы весьма своеобразно раскрывает противопоставление разумных представлений народа и примитивных понятий людей, мнящих себя элитой. Успех пьесы во многом был обусловлен тем, что Е. Загребин нашел точную «меру» в развитии сюжета произведения. В сюжетных линиях пьесы нет ни излишней веселости, ни чрезмерной назидательности, общий тон отражает природную искренность и яркую эмоциональность переживаний героев. Разумеется, не все в пьесе «*Насьток* но *Исьток*» безупречно. Есть тут и картинные совпадения, и нагромождения мелодраматических случайностей. Но загребинская комедия предоставила удмуртским актерам и режиссерам хорошую возможность повышать профессиональное мастерство. Внедряемые драматургом в пьесу приемы – танцевальные номера, куплеты, музыкальное ритмическое сопровождение действия – требовали от актеров многих навыков и умений. Для пьесы характерен живой народный язык, обогащающий текст интонационным, лексическим, синтаксическим, юмористическим своеобразием устной речи. Прибегая лишь к нескольким репликам из живой разговорной речи, автор воссоздает самобытный, яркий и пластичный характер героя, отражающий черты эпохи. Е. Загребин предложил специфическую форму освоения повседневности, которая стала активно разрабатываться в удмуртской драматургии на следующем этапе ее развития. Следует также отметить, что эта пьеса сегодня вновь привлекает внимание театральных деятелей и режиссеров, она возвратилась на сцену.

В удмуртской литературе «перестроечных» и «постперестроечных» лет постижение новых жанровых форм и изобразительных приемов было обусловлено идейно-художественными требованиями эпохи. Новаторские тенденции в удмуртской драматургии проявились, прежде всего, в жанре трагедии. Наиболее ярким произведением, отразившим эти новые тенденции, стала трагедия Е. Загребина «*Эш-Тэрек*» (1997).

В сюжетной основе пьесы «*Эш-Тэрек*» – фольклорный материал. По мотивам легенды южных удмуртов о богатыре *Эш-Тэреке* драматург воссоздает образ древнего батыра, который возглавил борьбу народа против болгарских нашествий, желая положить конец внутренним распрям. Опираясь на поэтику фольклора и жанра трагедии, драматург сочетает реальное и «бытовое» с высоким и трагическим. В «*Эш-Тэреке*» рассказывается о том, как удмуртский богатырь ради победы над врагом заключает с *Пери* (Лешим) «тайный» договор. Молодой батыр получает от *Пери* непобедимого коня, а взамен коня *Эш-Тэрек* обязуется подарить ему плененную болгарскую девушку. Однако батыр, очарованный красотой болгарской девушки *Айслу*, сам влюбляется в нее и принимает решение жениться. Художественным языком жанра трагедии Е. Загребин раскрывает противоречия древней национальной истории.

Молодой батыр *Эш-Тэрек* ясно осознает недостаток собственных сил и возможностей для объединения разрозненных удмуртских племен, тем более что он понимает невозможность заключения выгодной сделки с внешним врагом. Автор оттеняет мысль о том, что в трагической развязке событий «виновны» исторические обстоятельства, а не герой. Идея создания удмуртской государственности и консолидации двух народов (удмуртов и болгар) в единое содружество – объективно исторически незрелая. Процессу единения препятствуют бесконечные распри внутри каждого из народов, раздуваемые силами заинтересованных сторон.

На передний план в трагедии выдвинута проблема моральной ответственности исторических личностей и их права на принятие важных решений. *Эш-Тэрек* «мучается» вопросами судьбы своей нации, для влюбленного богатыря «теперь не важно, поклоняться ли своему *Кылдысину* или *Аллаху*, ибо идея справедливости, гуманистического отношения к человеку и народам не должна ставить перед правителем таковой дилеммы и непреодолимого барьера» [Шибанов 2007, 296].

Эш-Тэрек не находит понимания и поддержки у своих соплеменников в том, что возможно мирное решение конфликта между удмуртами и булгарами. Не приемлют позицию *Эш-Тэрека* даже его семья и близкие друзья.

М а д э й. *Я, маар дауртїд тон, Эш-Тэрек?! Мар дауртїд, калыклэн осконэз?!*

В е ж е й. *Эккой! Вормон асьме кыын ни вал, эше!*

И в о р ч и. *Паньзар музейм вылэ тушмон кема пьдзэ ой лёгасал.*

В е ж е й. *Бен! Тушмон етїн кадь сэстэмын луысал!*

Н у р к а н. *Нош со, ожгарчиоссэ ожбусые кельтыса, дэрэм сөзул сьоры татчы дьртїз! Вань калыкмес саптаз! Возьытэ вуттїз! Кыл уг шедьы, кызьы сое ниманы.*

(М а д э й. *Ну, что ж ты наделал, Эш-Тэрек?! Что ты натворил, надежда и опора народа?!*

В е ж е й. *Э-эх! Победа была уже почти что в наших руках, друг мой!*

Г о н е ц. *Долго не смел бы враг на землю Паньзар ступить.*

В е ж е й. *Да! Потому что враг был бы затрепан, как пакля!*

Н у р к а н. *А он, бросив воинов одних на поле битвы, сюда поспешил за подолом платья! Весь народ опозорил! Стыд-то какой! Слов я не найду, как это назвать* [Загребин 2004, 407–408].

Большой авторитет среди представителей рода *Паньзар* имеет сын шамана Нуркан, руководствующийся в своих действиях и поступках личной выгодой. Призванный нести в народ благоразумное начало, шаман оказывается человеком корыстолюбивым, эгоистичным.

Конфликт в жанре трагедии разворачивается, как правило, в чрезвычайных, исключительных обстоятельствах. Герой загребинской трагедии, побуждаемый благородными чувствами, оказывается в плену собственных иллюзий и совершает непоправимые ошибки. Они и ведут его к гибели. На действия героя как предводителя народа история еще не наложила требуемые каноны, исторически еще не определились и взаимоотношения удмуртских племен с соседями. На поведении героя сильно отражаются чувство любви к болгарской девушке, вера в провидение, подчинение случайным обстоятельствам.

Особенно спорной в теории жанра трагедии является концепция «трагической ошибки». Разработка удмуртским драматургом «трагической ошибки» достаточно интересна. Избранный на общем сходе вождем племени, *Эш-Тэрек* возглавляет поход против болгар. Однако, как отмечали выше, герой покидает поле битвы, так как влюбляется в дочь противника – хана Салимхана *Айслу*. Между тем, по обычаям удмуртского народа, *Эш-Тэрек* был обручен с *Инзы*. Таким образом, герой отдалился и от народа, и от невесты. Один из острейших вопросов, актуализированных в трагедии – предательство ли это? Известный современный писатель Вячеслав Ар-Серги в рецензии, написанной после просмотра спектакля по пьесе, однозначно высказал свое мнение, что поступок *Эш-Тэрека* – не измена. Он уверен, что не вражда, а любовь примирят народы: «Не войны, а примирение с соседями дадут возможность сохранить удмуртский народ, развить его коллективное сознание. Такова главная мысль спектакля» [Ар-Серги 1997]. Поэтесса Айтуганова также писала, что в основе трагедии – гуманистическая мысль о любви и дружбе между разными народами и племенами: «<...> не нужно делить нашу землю под небом, исходя из того, что ваш бог такой, а наш – другой: нужно жить, уважая друг друга, в мире и согласии. Даже само имя ведущего героя – Эш-Тэрек – говорит об этом, оно образовано от слова "эш" ("друг")» [Айтуганова 1997].

Обстоятельства и герои, воспроизведенные в трагедии «*Эш-Тэрек*», воспринимаются как исторически правдивые. Смерть героя ведет читателя (зрителя) к философским раздумьям о роли воина-вождя в истории народа; одновременно пьеса заставляет задуматься и о роли современного правителя в судьбе народа. Драматург стремился показать историческую обусловленность импульсов, движу-

щих поведением и мышлением вождей-батыров. И на первом плане в произведении не мотивы частных человеческих поступков (семейная драма, ревность и др.), но интересы внеличные, т. е. родовые. Прежде всего, это объединение народа, создание государственности. Трагическая обреченность героя объясняется объективными обстоятельствами исторического момента [Зайцева 2002, 219–222].

Разрабатывая тему «народной трагедии», Е. Загребин включает в пьесу большое количество массовых сцен; в героях преобладают типические, а не индивидуальные черты. «Режиссер выстраивает <...> массовые эпизоды статичными фронтальными мизансценами. Все – как один! Это ли не страшно? И тут является бунтарь *Эш-Тэрек*. Он пытается внести в сознание племени разумные начала, способствующие выживанию всех и каждого. Но встречает непонимание. И в этом его трагедия и трагедия народа» [Ар-Серги 1997].

Сосредоточенность Е. Загребина-драматурга на художественном постижении проблем «история и человек», «судьба народа и история» обуславливает приобщение удмуртской литературы к ведущим традициям отечественной и зарубежной классики. Значительная часть драматургического наследия Е. Загребина до сих пор остается практически не изученной. К сожалению, совершенно не введенной в научный оборот оказалась публицистика писателя. Вместе с тем исследование всего творческого наследия этого большого мастера позволит прояснить многие не решенные вопросы, связанные с национальным историко-литературным процессом второй половины XX – начала XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Айтуганова Л. Д.* Ма сярсыь вера «Эш-Терек?» // Удмурт дунне. 1997. 15 мая.
- Ар-Серги В. В.* «Где же наши вожди?» // Удмуртская правда. 1997. 13 мая.
- Ахмадуллин А. Г.* Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.
- Загребин Е. Е.* Насьток но Исьток. Пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 1990. 136 с.
- Загребин Е. Е.* Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркъёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.
- Загребин Е. Е.* Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 176 с.
- Зайцева Т. И.* Некоторые размышления о творчестве Е. Загребина // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: Учебное пособие / Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. С. 219–222.
- Зайцева Т. И.* К вопросу о становлении удмуртской драматургии // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сыктывкар, 2012. С. 179–181.
- История советского драматического театра: в 6 т. М.: Наука, 1966–1971.
- Удмуртская драматургия второй половины XX – начала XXI века: проблематика, художественное своеобразие, жанровые искания / под общ. ред. Т. И. Зайцевой. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2018. 186 с.
- Шибанов В. Л.* Литературный контекст современной удмуртской драматургии // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 3. Материалы III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)» – Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. С. 288–297.
- Шибанов В. Л.* Егору Загребину – 80. Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 3. С. 167–169.
- Ямаева Н. П.* К проблеме изучения природы комического в пьесе Е. Загребина «Насьток но Исьток» на уроках удмуртской литературы // Permiek, finnek, magyarok: irások Szij Enikő 60. születésnapjára. Budapest, 2004. Old. 609–617.

Поступила в редакцию 25.02.2022

Зайцева Татьяна Ивановна,
доктор филологических наук, профессор,
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1
E-mail: uawoz@rambler.ru

T. I. Zaitseva

ARTISTIC ORIGINALITY OF E. ZAGREBIN'S PLAYS

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-269-274

One of the brightest representatives of the pleiad of Udmurt writers of the "Sixties" is Egor Egorovich Zagrebin (1937–2015), who left a deep mark on national literature and culture, especially in drama. The article examines the features of E. Zagrebin's creative individuality and dramatic skill based on the material of his most significant, representative plays:

the drama "Mynam yaratone tatyn" ("My love is here"), the comedy (vaudeville) "Nastok no Istok" ("Stepan and Nastya"), the tragedy of "Esh-Terek". These plays are characterized by new substantive and formal elements that have become productive for the subsequent development of Udmurt drama. Without setting the task to comprehensively characterize the skill of E. Zagrebina as a playwright, the article attempts to highlight the following components of this issue: the author's worldview, the plot–compositional construction of the analyzed plays; the principles of typification of characters' images, and the structure of artistic conflict. E. Zagrebina's plays combine purely dramatic techniques with those of lyric poetry and prose, and theatrical conventions with real signs of the time. E. Zagrebina was one of the first in the Udmurt dramaturgy of the second half of the XX century who turned to understanding the life of the people through the analysis of everyday life of an ordinary person. A remarkable event in the literary and theatrical life of the republic at the turn of the XX–XXI centuries was the staging of E. Zagrebina's tragedy "Esh-Terek", which reflected the writer's interest in the role of a historical personality in critical epochs. With this play, the author implicitly addressed the topical issues of our time.

Keywords: Udmurt literature, E.E. Zagrebina, dramaturgy, genre, drama, comedy, tragedy, genre syncretism, hero.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 2. P. 269–274.

REFERENCES

- Aituganova L. D.** Ma syarys' vera «Esh-Terek?» [What does “Esh-Terek” talk about]. Udmurt dunne. 1997. May 15. In Russian.
- Ar-Sergi V. V.** «Gde zhe nashi vozhdii?» [“Where are our leaders?”]. Udmurtskaya pravda. 1997. May 13. In Russian.
- Akhmadullin A. G.** Tatarskaya dramaturgiya: istoriya i problemy. [Tatar drama: history and problems]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2012. 511 p. In Russian.
- Zagrebina E. E.** Nas'tok no Is'tok. P'esaos. [Nastia and Stepan. Plays]. Izhevsk: Udmurtiya, 1990. 136 p. In Russian.
- Zagrebina E. E.** Yaratone ton, vozhanie...: Veros'es, ocherk'es, p'esaos. [My love, jealousy... Essays, plays] Izhevsk: Udmurtiya, 2004. 432 p. In Russian.
- Zagrebina E. E.** Lebedi moego detstva: Novelly, rasskazy, p'esy [Swans of my childhood: Novellas, stories, plays]. Izhevsk: Udmurtiya, 2008. 176 p. In Russian.
- Zaitseva T. I.** Nekotorye razmyshleniya o tvorchestve E. Zagrebina [Some reflections on the work of E. Zagrebina] // *Dvizhenie epohi – dvizhenie literatury. Udmurtskaya literatura XX veka: Uchebnoe posobie* [The movement of the epoch – the movement of literature. Udmurt literature of the XX century: Textbook]. Izhevsk: Publ House «Udmurtskii universitet», 2002. P. 219–222. In Russian.
- Zaitseva T. I.** K voprosu o stanovlenii udmurtskoi dramaturgii [To a question on formation of the Udmurt dramatic art] // *Filologicheskie issledovaniya na rubezhe XX–XXI vekov: traditsii, novatsii, itogi, perspektivy* [Philological researches at the turn of XX–XXI centuries: traditions, innovations, results, prospects]. Syktyvkar, 2012. P. 179–181. In Russian.
- Istoriya sovetskogo dramaticheskogo teatra [History of Soviet Dramatic Theater]: v 6 t. M.: Nauka, 1966–1971. In Russian.
- Udmurtskaya dramaturgiya** vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka: problematika, khudozhestvennoe svoeobrazie, zhanrovye iskaniya [The Udmurt dramatic art of the second half of XX – the beginning of XXI century: problematics, artistic originality, genre search]. Pod obshch. red. T. I. Zaitsevoi. Izhevsk, Izd-vo Udm. un-ta, 2018. 186 p. In Russian.
- Shibanov V. L.** Literaturnyi kontekst sovremennoi udmurtskoi dramaturgii [Literary context of modern Udmurt dramatic art] // *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [The literature of Ural Mountains: history and the present]: Sb. st. Vyp. 3. Materialy III Vseros. nauch. konf. «Literatura Urala: avtor kak tvorcheskaya individual'nost' (natsional'nyi i regional'nyi aspekty)» – Ekaterinburg: UrO RAN; ID «Soyuz pisatelei», 2007. P. 288–297. In Russian.
- Shibanov V. L.** Egoru Zagrebina – 80 [Egor Zagrebina – 80] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. V. 11. № 3. P. 167–169. In Russian.
- Yamaeva N. P.** K probleme izucheniya prirody komicheskogo v p'ese E. Zagrebina «Nas'tok no Is'tok» na urokah udmurtskoy literatury [On the problem of studying the Nature of the Comic in E. Zagrebina's play "Nas'tok no Is'tok" at the lessons of Udmurt literature] // *Permiek, finnek, magyarok: irások Szij Enikő 60. születésnapjára*. Budapest, 2004. Old. 609–617. In Russian.

Received 05.02.2022

Zaitseva Tatyana Ivanovna,
Doctor of Philology, Professor,
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru